

Орел, Белгород. Скорей окончилась бы это. Ожидают в скором времени выхода Италии из войны. Как было бы хорошо!»... «О себе могу сказать: живу хорошо, ни в чем не нуждаюсь, а главное чувствую себя хорошо, здоров. Понемногу наши войска продвигаются на Запад» (октябрь, 1943).

Одно письмо из коробки – не маме, а родителям, видимо, его переслали в Челябинск. В этом письме больше подробностей, откровенности в описании войны. Все же в письмах для мамы больше вопросов о доме, о семье, тревоги не за себя, а за детей.

«Я нахожусь в действующей армии. Гоним немчуру в угол (вымарка цензора – М.О.), враг сильно огрызается, цепляется за какую-то складку местности, населенный пункт, роет глубокие окопы, траншеи, блиндажи из 18 рядов бревен под стенами домов. В домах строит крепкие ДЗОТы. Выбивать приходится с большим трудом. При отходе своем села сжигает дотла, население угоняет с собой или расстреливает. Скот уничтожает, даже солому не оставляет, все жжет, оставляет нам пустые места». И при этом, пишет отец, жители возвращаются обратно в разоренные села. Чем дальше на Запад идет отец, чем ожесточеннее бои, тем больше в письмах бодрости и оптимизма, надежды на близкое окончание войны. И еще, чувствуется уверенность в значимости собственного вклада в победу, в необходимость личного участия в освобождении родной земли. «Как я попал в армию, так и на фронте дела пошли хорошо. Давно мне нужно было быть здесь, и давно бы война окончилась. Еще как-нибудь переживем зиму и лето 44 г., а там, пожалуй, война закончится».

У мамы, наверное, была такая же надежда. Под новый 1944 год в письме отцу она пишет: «Последний новый год встречаем не вместе. Надеюсь, Первое мая встретим вместе». Оба не могли знать, что впереди еще долгий поход по Европе, и полтора года тяжелейших боев, и гибель миллионов.

В том же письме родителям отец сообщает, что был дважды ранен – в бедро и в спину. «Вообще мне пока везет, но на третий раз, наверное, голову оторвут» (октябрь, 1943). Отец, видно, предчувствовал худшее. Третье ранение было тяжелейшим – в живот, и после нескольких дней мучений он скончался в полевом госпитале на Украине. Отец успел продиктовать последнее письмо – родителям, в котором выражал надежду, что поднимется, и война для него закончится. Но таких ран в условиях полевого госпиталя, видимо, не лечили. Позже, побывав в Великой Белозерке, где похоронен отец, я разговаривала с женщинами, работавшими в юности в том госпитале. Погибших и умерших от ран было столько, что не успевали хоронить.

Удивительные строки читаю я в мамином письме от 20 ноября 1943 года: «Тут детишки часто вспоминают и спрашивают, что фашисты папу ранили опять?» Просто не знаю, почему ты молчишь? Каждый день такой тяжелый становится». Умер Вячеслав Алексеевич 23 ноября 1943 года. Совпадение это или отцово прощание долетело до нас, детей?

И все же, основное содержание фронтовых писем посвящено семье, дому. Все мысли отца направлены к нам, все его заботы, душевная боль, тревога – об оставленных близких. Обычное обращение в письмах – «Здравствуйтесь, дорогая семья! Здравствуйтесь, мои дорогие домочадцы!» И перечислял всех поименно. Маму, бабушку (звал ее уважительно – мамаша), детей, тетю Олю и ее детей. Передавал приветы зятю Саночкину, своим коллегам, соседям. Меня отличал особо: «Привет Милочке, моей хорошенькой дочери». Мне не кажется, что эта доскональность была данью деревенской традиции, требовавшей перечислять в письме всю родню. Это был искренний интерес к близким, проявление сердечности и доброты, органично